

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

571
C58
76

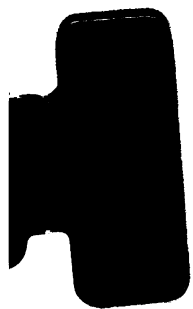
UC-NRLF

ФВ 85 704

ЧУВАШСКИЙ МЫСЬ.

УС 76018

ЧУВАШСКІЙ МЫСЬ.

Изъ археолого-историческихъ набросковъ
М. С. Знаменскаго.

1891.
ТОВОЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Дозволено цензурою. Июля 2 дня, 1891 года.

DK511
C5826

ЧУВАШСКИЙ МЫСЬ.

Триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ тѣ годы, когда рѣшалась судьба Сибири, въ Европѣ процвѣтали уже и наука и искусства: въ туманной Англiи, въ эти самые года, безсмертный Шекспиръ писалъ произведенiя, которымъ суждено было сдѣлаться извѣстными всему свѣту—проникать и доставлять отраду въ такихъ мѣстахъ, какiя при его жизни были населены только дикарями. Генiальная кисть Европейскихъ художниковъ того времени обезсмертила уже много, и историческихъ лицъ съ ихъ историческими подвигами, и простыхъ смертныхъ въ ихъ прозаической обстановкѣ.

Неудивительно, послѣ того, что писатель, вспоминая намъ прошлое Европы за триста лѣтъ, можетъ представить картину того времени съ богатыми и вѣрными подробностями. Совсѣмъ другое дѣло—говорить о прошломъ нашей Сибири: тутъ въ нашемъ распоряженiи нѣсколько краткихъ лѣтописей, да остатки тѣхъ холмовъ и равнинъ, гдѣ жили и дѣйствовали историческiя личности. Съ этими-то лѣтописями я и приглашаю читателя прогуляться со мной по нашимъ окрестностямъ и помянуть дѣла давно минувшихъ дней.

Въ 1580-хъ годахъ владѣлъ Сибирью царь Кучумъ; 12-тъ лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ со своими удальцами изъ южныхъ степей, побѣдилъ царя Этыгара (Этигера), убилъ его и поселился въ его городѣ „Сибирь“, называемомъ нынѣ Искеромъ (*). Помѣстившись тутъ со своими избранными, онъ

(*). Ис-каръ по татарски означаетъ вообще всякое старое городище. . . „Историческое обозрѣнiе Сибири“, соч. Словцова.

М673455

принялся хозяйничать въ землѣ Сибирской, размѣщая женъ и родственниковъ по разнымъ ближнимъ городкамъ: такъ въ мѣстечкѣ Абалакъ помѣстилъ онъ старшую жену свою Самбулу, близъ нынѣшняго Тобольска жила вторая жена его, старшая дочь Мурзы Девлетъ-Бая; сѣвернѣе, верстъ на 9-ть отъ Тобольска, былъ городокъ третьей его жены—Сузге; затѣмъ тамъ и сямъ размѣстились его родственники: гдѣ тесть, гдѣ зять, гдѣ племянникъ.

Устроивъ своихъ близкихъ по мѣстамъ, повелъ Кучумъ свою жизнь безъ труда и заботы. Взятіемъ Сибири и убійствомъ прежняго владѣтеля онъ лично закончилъ свои воинскія дѣла; для покоренія же мелкихъ Сибирскихъ народовъ и для взиманія съ нихъ дани онъ разсылалъ уже подчиненныхъ. Дѣлъ у него по управленію своимъ царствомъ, какъ можемъ думать, было немного; порой только приходилось отписываться отъ требованій русскимъ царемъ дани по примѣру прежнихъ лѣтъ. Свою привычку къ кочевой жизни онъ могъ удовлетворять, визитируя своихъ женъ и родственниковъ, въ антрактахъ же забавляясь охотой на многочисленныхъ еще тогда въ Сибири звѣрей и птицъ.

Было у Кучума всего довольно: хлѣбъ доставляли ему подвластные татары, занимавшіеся уже тогда хлѣбопашествомъ, рыбу, звѣря и мѣха—остяки и вогулы, а болѣе усовершенствованныя произведенія шли къ нему съ юга съ караванами изъ Бухары; такъ что про царя Кучума нашъ Тобольскій поэтъ П. П. Ершовъ имѣлъ полное право сказать:

„Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства:
Драгоценныя каменья,
Изъ монистовъ ожерелья
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро. . . .“

И жилъ Кучумъ спокойно и въ довольствѣ до 1580 года, и дальше бы такъ жилъ, умеръ бы покойно и лежали бы его восты на ханскомъ кладбищѣ, еслибы вдали отъ Сибири, на Западъ за тысячи верстъ, на широкой матушкѣ Волгѣ, не плавали люди, которымъ жизнь была копѣйка и которые тя-

готу крестьянскаго труда съ его невгодами прѣмѣняли на легкую добычу разбойниковъ. Энергическія мѣры Царя Ивана Васильевича, принятія противъ нихъ, заставили этихъ людей поискать для себя другого подходящаго занятія, и какъ говорится въ старой пѣснѣ:

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы вочеты еловые,
Накладайте бабанчки сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское.

Вамъ, юные читатели, хорошо извѣстно, кто былъ Ермакъ, какъ попалъ онъ къ Строгоновымъ, жившимъ на границѣ Сибири, какъ съ ихъ помощью пошелъ на царя Кучума. Моя цѣль не повторять историческихъ извѣстныхъ вамъ сказаній, а только пройти по историческимъ сибирскимъ мѣстностямъ и вспомнить, гдѣ что было.

Не разъ гуляя по этимъ мѣстамъ, срисовывая ихъ и роаясь въ землѣ, я говорилъ и съ мѣстными жителями, въ надеждѣ услышать отъ нихъ какія нибудь преданія, или легенды о прошломъ, но, къ сожалѣнію, русскихъ сибиряковъ ничего прошлое не интересовало. Только нашелся одинъ татаринъ-старикъ, житель Соусканскихъ юртъ, находящихся вблизи родовата ханскаго кладбища. Привожу его сказаніе буквально: „Да!“ началъ меланхолически полуслѣпой сухой старикъ, казавшійся тѣнью, вышедшею изъ могилы, осѣненной столѣтними березами, „да, не хотѣлъ царь Кучумъ стариковъ слушать . . . не хотѣлъ—и погубилъ свое царство . . . Бѣжалъ къ нему Ермакъ, отъ русскаго царя бѣжалъ; много онъ тамъ людей убилъ, русскій царь хотѣлъ его повѣсить, ну онъ и бѣжалъ къ нашему царю . . . Принялъ его Кучумъ, хорошій вундецъ былъ Ермакъ и умный человекъ, полюбилъ его нашъ царь . . . Старики говорили: не вѣрь Ермаку . . . не слушалъ стариковъ

Кучумъ, пускалъ его вездѣ . . . Годъ у него и жилъ Ермакъ, а когда все высмотрѣлъ, убѣжалъ. А потомъ, погода немного, пришли къ царю наши и говорятъ: ой плохо Царь! щепя плыветъ по Тоболу, много щепы плыветъ . . . худо будетъ, собирай войско! Опять царь не послушалъ стариковъ. А тамъ на Тоболѣ русскіе суда себѣ строили . . . построили, сѣли на нихъ, пришли сюда и взяли у Кучума царство. Это такъ было, у насъ все это въ нашихъ книгахъ такъ написано . . .“ закончилъ онъ свой рассказъ. Я разумѣется не сталъ ему пропагандировать о томъ, какъ въ нашихъ книгахъ написано: во-первыхъ кто могъ быть порукой, въ чьихъ книгахъ правда, а во-вторыхъ достаточно ужъ того, что мы русскіе отняли у татаръ царство; зачѣмъ же я буду отнимать у него дорогое для него убѣжденіе, что непослушаніе стариковъ были причиной этой потери.

И вотъ мы, потомки нѣкогда убивавшихъ другъ друга, мирно сидимъ друзьями, бесѣдуя о прошломъ и наслаждаясь природой. Я любовался и разказчикомъ, и всей окружающей насъ картиной; солнце опускалось къ западу и пронизывало густую рощу своими лучами, золотя то кудрявую зелень, то свѣтлыми пятнами рисуясь на синеватомъ столбѣ, увѣнчанномъ чалмою, то играя на верхушкѣ длиннаго деревяннаго копья, воткнутаго надъ прахомъ неизвѣстнаго батыря; тѣнь отъ этой владбищенской рощи длинной полосой тянется къ востоку; а тамъ далеко облитый заходящимъ солнцемъ золотится крутой стѣной правый берегъ Иргыша, гдѣ жилъ нѣкогда тотъ непослушный Кучумъ, о которомъ только что закончилъ рѣчь свою мой бронзовый пріятель въ своей бѣлой длинной татарской рубахѣ, рѣзко отдѣляющей его фигуру отъ изумрудно зеленой травы, на которой онъ сидитъ.

Но возвратимся къ Кучуму и встревоженной странѣ его: плывущая ли щепя, какъ говорилъ старикъ, или расплывающіяся чудныя вѣсти, какъ говорятъ лѣтописи, были причиной тревоги Сибирскаго народа—эти вѣсти или легенды П. П. Ершовъ облекъ въ поэтическую форму:

„Чудны женскіе рассказы!
Будто полночью глухую,

На мысу одномъ высокомъ,
По три раза приходила,
Цвѣту бѣлаго собака
И какъ уголь черный волеъ;—
Съ воємъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака,
Разтерзала злаго волка.
Будто съ той же noci всюду
Межъ Сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла.
Будто въ полдень на востокѣ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башняхъ—
И подуетъ вѣтръ съ Урала,
И снесетъ тотъ полумѣсяцъ,
И навѣетъ чудный знакъ.
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится стукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ Ханскимъ царствомъ?

Всѣ эти видѣнія тревожили народъ и доставляли тему Сибирскому люду для ихъ бесѣдъ; тревожили ли они самаго царя Кучума—я не знаю; знаю только, что пришлось ему встревожиться, но ужъ отъ иныхъ рассказовъ: близкій ему человекъ Таузакъ поѣхалъ собирать дань съ подвластныхъ Кучуму народцевъ; на устьѣ рѣки Тавды онъ неожиданно нежданно наткнулся на русскихъ людей; схватили его русскіе, перевязали его всю свиту и представили предъ очи атамана Ермака. Разумѣется ничего добраго, ни себѣ, ни свитѣ своей Таузакъ не ожидалъ, но—ошибся; вмѣсто смерти, плѣнные нашли хорошій приемъ и угощеніе. Угощаль Ермакъ гостей своихъ, угощаль, ласкалъ и спрашиваль; а тѣ ему въ благодарность за ласку неожиданную рассказали подробно и о цар-

ствѣ Кучума, и о богатыряхъ своихъ, и о видѣніяхъ Кучумовыхъ. Съ своей стороны и Ермакъ показалъ ту еще невѣдомую имъ силу, при помощи которой онъ такъ скоро и безпрепятственно шелъ во враждебной ему сторонѣ, т. е. велѣлъ своей дружинѣ стрѣлять изъ пищалей, а затѣмъ сытыхъ, хотя нельзя сказать, чтобы радостинкъ, отпустилъ гостей домой.

Получивъ дозволеніе удалился, гости конечно не стали засиживаться, а повеселись въ Иснерь. Многу у нихъ было чего поразсказать царю Кучуму, который вмѣсто ожидаемой дани получилъ горькую вѣсть, что хозяйничаютъ въ его царствѣ гости неожиданные, непрочеинные, да что не простые то люди, а „сильные, и когда изъ луковъ своихъ стрѣляютъ, тогда пышетъ огонь, и дымъ бываетъ великій и такъ стучитъ, какъ громъ на небѣ, и ниѣмъ защититься нельзя; ни панцири, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживаютъ,—все пробиваетъ на вылетъ“ . . .

Дѣло шло ужъ не о видѣніяхъ туманныхъ городовъ и звѣрей,—шла бѣда дѣйствительная. И всунули гонцы ногу въ костянные стремена, вскочили на коней и понесли во всѣ стороны тревогу, да царскій приказъ: собираться всѣмъ на Чувашскій мысъ, подъ начало „Сибирскихъ странъ богатыря“ Махметъ-Кула.

На круто-подымающемся надъ Иртышемъ Чувашскомъ мысу началъ Махметъ-Куль устраивать себѣ крѣпость: вырыли ровъ сажени въ двѣ глубиной и сажени четыре шириной, укрѣпили его валомъ и частоволомъ; ватѣмъ, отступивъ сажень на 20 отъ перваго укрѣпленія, вырыли второй ровъ. Съ той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни рвовъ, ни валовъ; на 30 саженьную стѣну не совсѣмъ то удобно было забираться, противъ стрѣлъ, да занесеннаго камня. Внизу же передъ холмомъ, сдѣлана засѣка.

(Фот. планъ Чуваш. мыса).

Устроивъ городокъ и оставивъ тутъ часть отряда, двинулся Махметъ-Куль на встрѣчу Ермака и при урочищѣ Бабасынь показалъ, что есть въ Сибири люди, рѣшившіеся дорого продать и свою жизнь и свою землю. Ермакъ отступилъ и послѣдилъ съѣсть на своемъ суда. Но только это отступленіе

и приобрѣли всей храбростию и героизмомъ войска Махметъ-Кула. Суда Ермаковы шли впередъ и впередъ, не сражаясь были имъ стрѣлы, жолорами оспинами икъ съ берега сопутствующице имъ татары. И вѣкорѣ съ Чуванскаго мыса, увидѣвъ, но дальновзоркій глазъ киргиза могъ усмотрѣть на западѣ и дымъ и зарево: то горѣлъ богатый улусъ Карачи. Оставалась одна надежда на Чуванскій мысъ.

Въ мрачный осенній вечеръ 1581 года струги казаковъ покинули воды Тобола, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Захарьевская церковь, вступили въ широкій Иртышъ; передъ ними за лѣсомъ, отступивъ на двуругомъ, шель высокой холмъ, оканчивающийся на югѣ у самой рѣки Чуванскимъ мысомъ, усыпанный сверху тысячами людей. Увѣренный снизу засѣлками, угрюмо и грозно смотрѣлъ онъ на подплывающую къ нему дружину Ермака.

Дрогнуло сердце храбрыхъ! Оставивъ свои суда и высадившись на лѣвый берегъ рѣки, въ покинутой жителями городовъ „Атышъ-Мурза“, задумались русскіе. Невеселы были ихъ думы: рѣшался вопросъ: „что имъ дѣлать? какъ устоять противу толпаго собранія поганыхъ?“ Первою мыслью было—бѣжать назадъ. Но какъ уйти? Куда уйти? На рѣкахъ началась уже пуга. Суда ихъ, служившія имъ надежной защитой отъ стрѣлъ, уже не годились. Отступать же пѣшкомъ, по странѣ незнакомой, враждебной, безъ провіанта, значило прямо идти на смерть.

— „Не отъ множества войновъ бываетъ побѣда, но свыше отъ Бога помощь дается: Богъ можетъ и безпомощнымъ помочь“. Такия слова летописецъ влагасть въ уста Ермаку на этомъ совѣтѣ: „И всемогущимъ, братья, обѣщаніе свое, честнымъ людямъ данное съ дѣланіемъ креста: ведемъ погибнуть, а назадъ не возвращаться. . . Если же намъ Всемогущій Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не осудитъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна“.

— „Готовы умереть за святую православную церковь и за истинную православную вѣру пострадать!“ Тамъ, до летописи, порѣшили казаки и покончили совѣтъ свой.

Разсвѣло. Настало 23 октября.

„Ермакъ же“, говоритъ лѣтописецъ, „о дѣлѣ своемъ zelo печальшеся и рѣче дружинѣ своей со слезами: о, друзи и братіе! помолимся Богу и пречистой его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ“.

Началась общая молитва.

„И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ,
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,
Въ тишинѣ благоговѣйной,
Молить Господа и Бога,
О побѣдѣ надъ врагомъ.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки,
Сабли на голо и дружно,
Громкимъ голосомъ вскричали:
Съ нами Божеская сила
И Угодникъ Николай!“

„Вышли, и глаголаху: съ нами Богъ! и паки приложивша: съ нами Богъ: Боже, помози работѣ своимъ! И начаша приступати къ засѣнкѣ“.

Туча стрѣль встрѣтила храбрую дружину, „и многѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляють, а иныхъ смертію убивають“.

Смѣшались ряды казацкіе, а обрадованные этимъ Кучумовцы, рѣшась разомъ покончить со врагомъ своимъ, сломали засѣнки и бросились на русскихъ. Началась жестокая битва. „И бысть съча зла; за руки емлюще съчахуся!“ говоритъ лѣтописецъ, или, какъ выражается поэтъ Дмитріевъ:

Грудь съ грудью и рука съ рукой,
Отъ вопля ихъ дубравы воють,
Они стопами землю роютъ
Крутятся . . . и Ермакъ сломилъ.

Поэтъ описываетъ здѣсь единоборство Ермака съ Махметъ-Куломъ.

Намъ неизвѣстно, приходилось ли въ дѣйствительности

встрѣтиться лицомъ къ лицу на этомъ мѣстѣ двумя гербами; изъ лѣтописей же мы только знаемъ, что Махметъ-Куль палъ здѣсь раненымъ и, вывращенный изъ сѣчи своими товарищами, былъ увезенъ въ маленькой лодочкѣ на лѣвый берегъ Иртыша. Рана и исчезновеніе съ поля битвы храбраго предводителя подѣйствовали на татаръ и они въ свою очередь начали отступать отъ дружины Ермаковой.

И взялъ Ермакъ „ихъ засѣку и знамена свои тутъ поставиша“.

Гдѣ былъ и что дѣлалъ въ это время царь Кучумъ?

Прибывъ на Чувашскій мысъ, чтобы лично слѣдить за ходомъ дѣла, тревожные часы переживаетъ царь на этомъ высокомъ холмѣ, съ котораго, какъ съ царской ложи, онъ могъ видѣть всю сцену, гдѣ давалась кровавая драма. Окруженный муллами и остяцкими князьками, отсюда лучше самихъ участниковъ, онъ видѣлъ и понималъ ходъ всего дѣла. Дрогнуло его сердце при видѣ уносимаго съ поля сраженія Махметъ-Кула, дрогнули сердца и остяцкихъ князьковъ, бросившихся бѣжать со своими подчиненными народцами. Видѣлъ Кучумъ какъ начали отступать и татара.

Надежды на людей ужъ не было. И „повелѣ мулламъ своимъ вливати свою молитву и призывать на помощь своя боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни послѣшенія“.

Кучумъ бѣжалъ.

И все это „толивое поганыхъ собраніе“, такъ ужаснувшее вчера дружину Ермакову, исчезло. Только угрюмый холмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ; у подножія его на засѣвѣ осенняя непогодъ играла съ русскими знаменами, или, правильнѣе сказать, хоругвями; а вблизи была равнина, усѣянная трупами.

„Очервленнишася тогда кровью поля, сущая ту, и постлашася трупиемъ мертвецъ. . . И блато собрашеся ту отъ истекшія крови, якоже древле отъ тѣлесъ у Троянскаго града“. Такъ заканчиваетъ лѣтописецъ свое сказаніе объ этой битвѣ.

Перейдемъ отъ прошлаго къ настоящему. Названіе Чувашскій мысъ, нѣкоторые приписываютъ тому, что будто бы во времена Кучума на этомъ мысу жили Чуваши, но Сибирскій историкъ Словоцовъ говорить, что „Чувашей не было видно

въ бытіяхъ Сибирской исторіи“ и что „рѣченіе Подъ-чуваши значить на остяцкомъ языкѣ: селеніе прибрежное“ . . . Вѣроятно тутъ жили вогулы и остяки. . . На томъ мѣстѣ, гдѣ была засѣка и гдѣ впервые раздались ружейные выстрѣлы, и нынѣ войска мѣстнаго баталіона упражняются въ стрѣльбѣ. Время, въ компаніи съ дождями, промыло въ холмѣ нѣсколько овраговъ и одинъ изъ нихъ, послѣдній въ Иртышу, составляетъ самый удобный подъемъ на эту тридцати-саженную возвышенность и приводитъ прямо въ главный и первый ровъ. Поднимаясь по узкой тропинкѣ оврага, почти на каждомъ шагѣ можно найти какой либо остатокъ стараго времени: узорчатый черепокъ глинянаго сосуда, обломекъ костяной подѣлки, особенно много рыбьихъ костей, бѣлѣющихъ въ глинистомъ слоѣ правой стороны оврага. Поднявшись на верхъ, вы вступаете въ ровъ, изъ котораго направо протоптанная тропинка ведетъ въ главное укрѣпленіе, имѣющее форму небольшого закругленнаго треугольника, съ тремя возвышавшимися на немъ древними курганами. Чья то любознательная, а быть можетъ и корыстная рука, давно уже, такъ что успѣли тутъ вырости порядочныя березы, выкопала въ центрѣ этихъ кургановъ глубокія ямы. Пустынно теперь это главное укрѣпленіе, поросшее мелкими кустарниками таваложника, шиповника и земляничникомъ, за то красивая и обширная панорама открывается съ этого мѣста глазу зрителя. Но, не смотря на красоту этой панорамы, облитой весеннимъ солнцемъ, съ свѣтлой рѣвкой, отражающей въ себѣ голубой фонъ неба, съ розоватыми серебромъ опушенными облаками, не смотря на ярко зеленѣющіе луга, меня на этомъ пустынномъ холмѣ всякій разъ охватываетъ духъ прошлаго, и видится мнѣ другая картина: въ моемъ воображеніи возстаетъ мрачное, богатое событіями, октябрьское утро во всей своей Сибирской обстановкѣ: съ свинцовымъ небомъ, съ бѣлѣющимъ отъ инея пространствомъ луговъ, на которомъ гигантскимъ серпомъ лежитъ стальной Иртышъ. И вотъ здѣсь, на этой высотѣ, на мрачномъ фонѣ неба, выдѣляется пестрая толпа въ своихъ пестрыхъ, съ теплаго юга занесенныхъ костюмахъ, окружаетъ она южнаго выходца-полуслѣпаго царя Кучума и

любимцевъ его, и совѣтниковъ мулъ; за первымъ же валомъ темная масса его разноплеменныхъ данниковъ—темная масса темнаго люда, готовая, какъ и прилично рабамъ, устлать трупами землю, сдѣлать изъ своей крови болото, свирѣпо драться, чтобы отстоять жизнь, покой и довольство этой пестряющей передъ ними кучки людей.

Но и пестрое, и темное, устремило свои узкіе глаза туда, въ даль, къ стальной полосѣ рѣки, откуда двигается по бѣлому полю черная кучка людей съ развѣвающимися хоругвами. Маль этотъ двигающійся съ молитвенными возгласами звѣрь, черезъ нѣсколько времени убудеть его еще на треть; но судьбой ужъ рѣшено ему пожрать ждущаго его великаго звѣря.

Да, историческія воспоминанія охватываютъ посѣтителя на этомъ историческомъ мѣстѣ, и все видимое напоминаетъ ему прошлое. Налѣво то мѣсто, увѣковѣченное легендой, мѣсто битвы двухъ звѣрей; вдали, на самомъ горизонтѣ, подернутая голубымъ туманомъ, далеко, далеко виднѣтся небольшая возвышенность—мѣсто бывшаго богатаго улуса Карачи; направо, по эту сторону Иртыша, виднѣтся уже не миражный изъ тумана, а дѣйствительный городъ съ бѣлыми колокольнями, увѣчанными блестящими крестами; а на самомъ холмѣ, вокругъ обоихъ рововъ, меланхолически качаютъ своими верхушками бѣлыя березы, вытѣснившія первыхъ здѣшнихъ обитателей—хвойные лѣса.

Но еще съ большей силою охватываетъ духъ прошлаго, когда, снявъ аршинный слой земли, начинаешь разбираться въ остаткахъ того вѣка. Впереди, по всему краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконецники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы, между ними нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костянные топоры, кое гдѣ волочки отъ кольчугъ, нѣсколько каменныхъ пуговицъ и одна довольно крупнаго жемчуга. Въ центрѣ увѣрленія—остатки большихъ костровъ, окруженные слѣдами съѣстныхъ угощеній: костями лошадей, оленей, птицъ и множества рыбихъ (остатки стерлядей и щучьи челюсти поразительной величины); тутъ же масса разбитой глиняной посуды—отъ ведерной вмѣстимости до величины наперстка—и костяная ложка. Покончивъ съ удовлетвореніемъ гигантскаго

своего аппетита, жители не оставались праздными, и тут же около костровъ занимались: иные своимъ кустарнымъ производствомъ,—говорю это на томъ основаніи, что тутъ же найдены: желѣзные ножи, сверлила и грубо обдѣланные и неоконченныя еще стрѣлы, свистки для приманки птицъ, а иные и игрой, потому что найденныя закругленные черепки и до сихъ поръ служатъ для игры, а найденныя костянные издѣлія—подобіе шахматъ. Позади же уврѣпленія остатки каменныхъ привѣсовъ въ неводамъ, костянные ножи для чистки рыбъ говорятъ о хозяйственныхъ домашнихъ складахъ. Но я не буду подробно излагать всѣхъ находокъ и говорить о мѣстѣ ихъ расположенія: это интересно только для завятаго археолога. Скажу еще разъ о томъ удовольствіи, какое чувствуется человѣкомъ при разборѣ всего этого оставшагося хлама—это напоминаетъ то удовольствіе ребенка, которое онъ испытываетъ, присутствуя при разборѣ въ ящикѣ своей бабушки.

